Информационная структура простого предложения в телеутском языке: к постановке проблемы*

Денис М. Токмашев^{a, @, ID}

^a Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, г. Томск

@ kogutei@yandex.ru

ID¹ <https://orcid.org/0000-0003-3941-043X>

Поступила в редакцию 22.01.2020. Принята к печати 12.02.2020.

Аннотация: Рассматриваются основные подходы к изучению информационной структуры простого предложения и их применение к материалу тюркских языков. Цель – выявить и охарактеризовать различные типы информационных структур простого предложения в их взаимосвязи с формально-грамматическими и акцентными характеристиками на материале телеутского языка. Основными средствами выражения информационной структуры простого предложения, которую мы представляем в виде соответствующего функционально-семантического поля, в телеутском языке являются порядок синтагм и интонация, составляющие ядро средств управления информационной структурой, а также периферические средства – лексемы, частицы и аффиксы. Синтаксически информационная структура выражается порядком синтагм. Для повествовательных предложений характерно понижение частоты основного тона на синтагме, составляющей фокусную часть. Для прагматически нейтральных повествовательных предложений, не имеющих пресуппозиций, характерно прогрессивное расположение элементов информационной структуры «топик > фокус» с предикатом в крайней правой позиции. Поскольку топик и фокус являются шифтерными категориями, возможны как инверсии синтагм с сохранением прогрессивной информационной структуры, так и инверсии компонентов «фокус < топик» с сохранением порядка синтагм. Инверсия линейных (синтагм) и нелинейных (топика и фокуса) элементов предложения обусловлена различными пресуппозициями. Лексико-грамматические средства управления информационной структурой находятся на периферии функционально-семантических полей. Их информационно-структурные характеристики совмещаются с основными функциями: выражением аспектуальности, модальности, эвиденциальности, (не)определенности. Тюркские языки обнаруживают значительное сходство в выборе средств управления информационной структурой. Выводы сделаны на основе полевого, сравнительно-исторического и описательного методов, структурного и компонентного анализа, методов моделирования семантики и визуализации спектрограмм.

Ключевые слова: интонация, синтаксис, тюркские языки, актуальное членение предложения, акустическая фонетика

Для цитирования: Токмашев Д. М. Информационная структура простого предложения в телеутском языке: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 268–277. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277>

Введение

Под информационной структурой (ИС) в лингвистике принято понимать членение высказывания на информационные сегменты, понимание которых является минимально достаточным для реализации коммуникативных намерений собеседников. Иными словами, ИС – это план выражения прагматики предложения, подобно тому как сегментные структуры предложения (лексемы и грамлеммы) являются планом выражения его семантики. ИС находится в тесном взаимодействии с сегментными структурами и управляет ими в акте коммуникации. Это позволяет рассматривать ИС предложения как глубинную структуру, на поверхностном уровне реализуемую в виде набора грамматических и акцентных характеристик, соответствующих контексту

высказывания и регулирующих соотношение в нем старой и новой информации, которая, в свою очередь, является планом содержания ИС.

В рамках исследования ИС в естественных языках сформировался ряд подходов к ее изучению, а также разветвленный терминологический аппарат, специфический для каждой школы – их подробный анализ выходит за рамки задач данной статьи. При многообразии подходов и терминов большинство работ по ИС учитывает речевую синхронию оппозиций *говорящий – слушающий, известное – новое, семантика – прагматика* и то, что некоторые формальные свойства предложения (например, порядок слов) могут быть поняты только с учетом контекста. Согласно У. Л. Чейфу, ИС отражает то, как закодированная с помощью языковых средств

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 18-012-00775 А «Типология простого предложения в языках обско-енисейского языкового ареала: информационная и аргументная структуры».

информация соотносится с представлением говорящего о ментальном состоянии адресата высказывания [1].

В качестве примера исследования ИС в отечественной лингвистике (называемой также *коммуникативной структурой*) можно привести работу Е. В. Падучевой, выполненную на материале русского языка [2]; подробно история вопроса представлена у Я. Г. Тестельца [3]. В зарубежной лингвистике, как отмечает К. Ламбрехт, ИС впервые привлекла внимание младограмматиков в конце XIX – начале XX в. (противопоставление психологического и логического субъектов и предикатов у Г. Пауля) [4]. Долгое время терминологическим эквивалентом ИС в советском и российском языкознании служило *актуальное членение предложения* (В. Матезиус), затем получившее развитие у представителей Пражской лингвистической школы под названием *функциональная перспектива предложения*, а также у М. Хэллидэя, который и ввел в оборот понятие *информационной структуры*. М. Хэллидэй характеризовал ее как грамматическую категорию, отличную от синтаксиса и семантики, но тесно взаимодействующую с ними. У. Л. Чейф предложил синонимичный термин *information packaging*. Проблема ИС затрагивается и в более поздних работах по дискурсивной прагматике. Из обзорных публикаций по истории изучения, терминологии и проблематике ИС можно отметить работы Д. Матича [5] и М. Крипки [6].

В статье ИС понимается в смысле, предложенном К. Ламбрехтом, – как трихотомия взаимосвязанных оппозиций *пресуппозиция – ассерция, узнаваемость – активация* и *топик – фокус*. Противопоставление пресуппозиции и ассерции тесно связано с инкрементальной моделью (*incremental model*) дискурса, смысл которой в том, что изначально коммуниканты обладают различным объемом знаний, а цель коммуникации – минимизировать это различие за счет расширения ментальной репрезентации (*common ground*) говорящего и слушателя [7]. Под пресуппозицией в этом контексте понимается информация, на момент начала речевого акта входящая, по мнению говорящего, в общую установку коммуникантов. Ассерция – информация, ранее не известная слушателю и добавленная в его ментальную репрезентацию; в последующем коммуникативном акте она переходит в разряд пресуппозитивных компонентов высказывания и может служить основанием для ассертивных.

Топик высказывания может определяться двояко: как с позиции говорящего (*aboutness*, т. е. о чем сообщается новая информация), так и с позиции слушающего (*givenness*, т. е. что слушающему уже известно об объекте высказывания). Причем оба определения вынужденно пересекаются, так что несмотря на преобладающее в лингвистике определение топика с позиции говорящего (что сообщаем слушающему об объекте?), говорящему неизбежно приходится учитывать, какой информацией об объекте высказывания владеет слушающий к началу коммуникативного акта (что слушающий должен знать для правильной интерпретации новой информации?). Таким образом, топик можно определить как компонент

пропозиции, лежащей в основе высказывания, доступный обоим собеседникам. «Topics are thus elements of the proposition that the utterance is construed about, and that are usually restricted to given, accessible elements» [5, p. 96].

Фокус высказывания (в прочих работах именуемый также *новой информацией, ремой и комментарием*), по К. Ламбрехту, – это информация, посредством которой ассерция отличается от пресуппозиции [4, p. 213]. Другой подход к определению фокуса связан с теорией альтернативной семантики: фокус – это семантический оператор, порождающий альтернативу фокусной части высказывания, например, в предложении с интонационно выраженной частью (*Он закрыл окно*) фокусом является предикат *закрыл*, который допускает альтернативный вариант *открыл*, не выбранный говорящим как несоответствующий его коммуникативному намерению.

На сегодняшний день в лингвистике нет, таким образом, единого прототипического определения фокуса; выделяют два взаимно перпендикулярных подхода: *топик vs. комментарий* (фокус – часть высказывания, добавляемая к ментальной репрезентации слушающего) и *фокус vs. фон* (фокус – часть высказывания, допускающая альтернативную переменную, а фон – не допускающая ее) [5, p. 97]. Как нетрудно заметить, *комментарий* в первом подходе в широком смысле соответствует фокусу, а *фон* во втором – топик, т. е. теме высказывания.

ИС на формально-языковом уровне реализуется с помощью различных средств, охватывающих фонетику (акцентология и просодия), синтаксис (порядок слов в клаузах и самих клауз, стратегия кодирования актантов и т. д.), морфологию (модальные и служебные слова, клитики, артикли, фокусные частицы и т. д.) и лексику (ремовыделительные наречия типа русского *именно*). Их разнообразие затрудняет выработку единых моделей предложения, заданных ИС, чему препятствует большой разброс типовых структур в языках мира. У. Л. Чейф предполагал, что каждый язык имеет свои средства управления ИС, а ведущую роль «по-видимому играют порядок слов и интонация, причем, возможно, во всех языках» [8, с. 266]. Закономерным представляется вывод Д. Матича, который он сделал в своей обзорной работе по ИС в лингвистике: информационная структура предложения – универсальная категория дискурса, но необязательно универсальная категория языка [5, p. 99].

Перейдем к рассмотрению понятия ИС применительно к телеутскому языку и шире – к тюркским языкам. Исследователь караимского синтаксиса К. М. Мусаев пишет, что «вопрос о функции порядка слов в предложении на материале тюркских языков изучен весьма слабо. Помимо общих замечаний отсутствуют специальные глубоко анализированные исследования большого фактического материала» [9, с. 253].

Одна из первых работ в российской тюркологии, косвенно затрагивающих вопросы выражения «старого» и «нового» в высказывании, – статья Л. Ю. Тугушевой [10],

в которой упоминаются три основных функции порядка слов – грамматическая (расположение субъекта и объекта относительно предиката), коммуникативная (тема и рема) и стилистическая (стилистика мотивированное нарушение порядка слов) с сохранением грамматичности предложений, построенных с нарушением базового порядка слов, которые приобретают дополнительные характеристики. О влиянии порядка слов на ИС в тюркских языках автор пишет: «тюркские языки *нельзя* безоговорочно отнести к категории языков со *связанным порядком слов*, в которых сугубо синтаксическая (грамматическая) функция порядка слов выдвигается на первый план в ущерб функции коммуникативной и стилистической» [10, с. 121]. Исследователь отмечает, что порядок слов в тюркских словосочетаниях выполняет только грамматическую и стилистическую функции, а логико-грамматическая (т. е. информационно-структурная) функция порядка слов реализуется в единицах более высокого порядка – синтагмах (единицах логико-грамматического членения). Уточняется, что ИС (в современном понимании) определяется не столько *порядком слов*, сколько *порядком синтагм*, хотя линейно одна синтагма может соответствовать одному слову.

Н. К. Дмитриев также обращает внимание на коммуникативно-прагматические функции порядка слов в тюркских языках (башкирском и кумыкском): «В башкирском синтаксисе (как и в синтаксисе других тюркских языков) существует такое положение: для того, чтобы логически оттенить какой-нибудь член предложения в целой фразе, необходимо изменить место этого члена» [11, с. 210]. Ср.: «Причины инверсии лежат вне грамматики, как таковой. Инверсия является отображением особых логических или психологических условий, под впечатлением которых говорящий высказывает свою мысль. Прежде всего инверсия является средством усиления так называемого фразового ударения, или логического акцента» [12, с. 163]. Иными словами, инверсия в тюркских языках выступает как средство управления ИС.

Актуальное членение предложения в уйгурском языке выражается с помощью порядка слов, интонации и других средств [13, с. 378].

Анализу коммуникативной структуры простого предложения в чувашском языке посвящено исследование А. В. Емельяновой, во введении к которому автор отмечает, что «теория актуального членения агглютинативных языков имеет совсем непродолжительную по научным меркам историю (Андреев И. А., Абдулаев К. М., Амиров Р. С., Сафиуллина Ф. С., Тугушева Л. Ю. и другие)» [14, с. 3]. Основным средством выражения коммуникативной структуры чувашского простого предложения автор считает порядок слов, а тема и рема соотносятся как определяющее и определяемое. В реме при этом дополнительно выделяется

«информативно более нагруженная часть – смысловое ядро высказывания», а основными средствами «актуализации коммуникативных частей высказывания являются порядок слов, формально-грамматические средства: аффиксы, частицы, лексические элементы» [14, с. 23].

Говоря о просодии как маркере ИС, автор считает ее сопутствующим и второстепенным по отношению к словопорядку явлением, отмечая тем не менее, что для прогрессивного (неинвертированного) порядка слов характерна окситония (постепенное нарастание интонации с пиком на фокусной части), а для регрессивного – баритония (резкое усиление интонации в начале с постепенным затуханием). Также характерно наличие пауз перед ремой и после нее [14, с. 22].

В кумыкском языке коммуникативные типы высказываний были изучены Н. К. Токтаровой, сделавшей аналогичный и универсальный для тюркских языков вывод: «В кумыкском языке в число средств, маркирующих актуальное членение, входит, прежде всего, порядок слов, интонация, лексические и грамматические средства» [15, с. 4]. Как и А. В. Емельянова, Н. К. Токтарова пишет о примате синтаксиса над фонетикой в формировании ИС кумыкского предложения: «логическое ударение выражается синтаксическим путем: употреблением логически выделенного слова перед сказуемым: *Беиш кьонакълай бардыкъ* "Мы в гости ходили" ... Роль фонетических средств при этом незначительна» [15, с. 18]. Автор приводит следующие примеры реализаций отмеченных стратегий кодирования ИС в кумыкском языке:

1) порядок слов: *Ахшам / кьар явду* (Вечером / выпал снег) ~ *Кьар явду / ахшам* (Снег выпал / вечером). Обычная позиция ремы – перед глагольным сказуемым: *Мен охумагъа туюндюм* (Я поступила учиться). Тематическая препозиция ремы указывает на экспрессивность: *Макътай адам / бийиклигин тавланы* (Славит человек / высоту гор);

2) интонация с выделением ремы с помощью фразового ударения, представляющего интонационный центр предложения, а темы – повышением тона: *Ишине ону / анасы сюндю* (Его делу / мать обрадовалась) ~ *Ишине / ону анасы сюндю* (Делу / его мать обрадовалась);

3) лексико-грамматические средства: «в кумыкском языке аффикс *да*¹, выполняющий функцию союза "и", служит средством выделения ремы в предложении: *Авруйгъан анасыны устыюне / уланы да гирди* "К болеющей матери / зашел и сын". С другой стороны, тема может быть выделена при помощи частицы *чы* "же": *Шагъарда яшамагъа чы / тынч* "В городе же / жить легко"» [15, с. 10].

Рассмотрим различные стратегии кодирования ИС собственно в телеутском языке – одном из миноритарных тюркских языков Саяно-Алтая. Необходимо отметить, что ИС телеутского простого предложения ранее не исследовалась как из-за отсутствия единых определений и подходов

¹ В действительности *ДА* является частицей, в телеутском языке она также оттеняет фокус высказывания: *Эмди мең-де палдарым тил пилбей жалар* (Сейчас и мои-то дети языка не знают).

к анализу ИС, так и из-за слабой изученности телеутского языка в целом² и его синтаксиса в частности.

Гипотезой исследования выступает утверждение, что ИС – обязательный элемент дискурса, речевая реализация которого обусловлена структурой языка. Ожидается, что генетически и / или типологически близкие языки должны использовать сходный инвентарь языковых средств выражения ИС. Мы предполагаем, что в данном аспекте телеутский язык (горно-алтайская группа) будет близок прочим тюркским языкам, например, чувашскому (булгарская группа), кумыкскому (половецко-кыпчакская группа) и др., а именно: использовать словоупотребление, акцентные характеристики и лексико-грамматические средства для организации ИС простого предложения.

Методы и материалы. Эмпирической основой исследования служит аннотированный корпус устных бытовых и автобиографических текстов (наиболее нейтральных в стилистическом отношении), записанных от носителей телеутского языка разного возраста и пола. В работе используются полевой, сравнительно-исторический и описательный методы, методы структурного и компонентного анализа, моделирования семантики и визуализации спектрограмм.

Результаты

Базовым средством управления ИС в телеутском языке, как и в других тюркских языках, является порядок слов, в простом повествовательном предложении³ соответствующий модели SOV.

Пример (1) представляет собой экспрессивно-нейтральное простое предложение с типично тюркским SVO-синтаксисом. Для правильной интерпретации анафорического местоимения *аны* слушающему необходим контекст, понятный из предшествующего предложения: *Алтон жылда паштык, Фоменков Николай Сергеевич полгон, мени ийе перген үрнеге, Кемеровский сельскохозяйственный техникумга, агрономго* (В шестидесятом году председателем Фоменков

Николай Сергеевич был, меня послал учиться в Кемеровский сельскохозяйственный техникум на агронома).

Слово *техникум* формирует асертивный компонент высказывания, который в последующем предложении редуцируется до местоимения *аны* и, в свою очередь, формирует пресуппозицию для синтагмы *алтон пеш жылда*, которая и является фокусом высказывания, а глагол и его аргументы образуют его топик, линейно включающий в себя и фокус. Схематически ИС примера (1) можно представить следующим образом:

Мен аны алтон пеш жылда тўгезип ийгем.
 └──────────────────┘
 ФОКУС
 └──────────────────┘
 ТОПИК

Как видно, сказуемое *тўгезип ийгем* включается в топик, поскольку, хотя и является формально новой информацией для слушателя, относится к пресуппозиции, т. к. коммуникативное намерение говорящего – сообщить, в каком году он закончил обучение. Его «новизна» второстепенна по отношению к «истинному» фокусу. Непосредственно фокусная часть, в свою очередь, раскладывается на более мелкие смысловые компоненты *алтон пеш* и аффикс место-временного падежа *-да*, но поскольку отдельное взятое сочетание *алтон пеш жылда* не образует пропозиции, оно не может иметь собственной ИС.

Тональный рисунок примера (1) (рис. 1), выполненный в программе *Praat*, соответствует его линейной структуре. Частота основного тона (ЧОТ) падает по мере развертывания фокусной части высказывания и достигает минимума на его последнем и коммуникативно наиболее нагруженном отрезке – аффиксе место-временного падежа, соответствующего русскому предлогу *в*.

Повышение тона на сказуемом обусловлено следующим предложением, которое начинается с союза и придает примеру (1) оттенок недосказанности.

(1) *men ani alton peř jıl-da tügez-ip iy-gem*
 1SG.PP 3SG.ACC шестидесят пять год-LOC заканчивать-CVB AUX:посылать-PST2.1SG

Мен аны алтон пеш жылда тўгезип ийгем – Я окончил его в шестидесят пятом году.

Рис. 1. Тональный рисунок примера (1)

Fig. 1. Tone visualization of example (1)

² Исследования отдельных уровней языка отражены в трудах кемеровской дериватологической школы, например в коллективной монографии [16] и пропозиционально-фреймовом словаре телеутского языка.

³ То есть содержащем одну предикативную единицу.

Пример (2) – ИС простого предложения, осложненного причастной конструкцией, образующей таксисную пару с главной частью:

(2) *kalkos-to ište-gem soldat-qa par-yan-ča*
колхоз-LOC работать-PST2.1SG солдат-DAT идти-PST2-DEL

Калкосто иштегем солдатқа парғанча – В колхозе (я) работал до ухода в армию.

Рис. 2. Тональный рисунок примера (2)
Fig. 2. Tone visualization of example (2)

Можно предположить, что в данном примере сдвиг сказуемого с ожидаемой терминальной позиции (*Калкосто солдатқа парғанча иштегем*) обусловлен его вхождением в топик, т. е. ИС. По мнению Л. Ю. Тугушевой, для ИС тюркского предложения важен порядок синтагм, а не слов. Схематично ИС примера (2) выглядит следующим образом:

а) *Калкосто иштегем солдатқа парғанча*,
ТОПИК ФОКУС

Тональный рисунок примера (2) (рис. 2) подтверждает, что фокусная часть высказывания находится после топикальной – на ней фиксируется максимальное понижение тона. Понижение тона отмечается и на главном сказуемом *иштегем*, поскольку оно располагается в конце синтагмы, а фокусной части предшествует длительная пауза. Как отмечает Е. А. Шестера, в телеутском повествовательном предложении «на слогах существительного ... реализуется восходящий тон, ... на глаголе ... – нисходящий, с различными вариациями мелодики отдельных слогов на фоне общего понижения основного тона» [17, с. 68].

Поскольку топик и фокус являются шифтерными категориями, возможны как инверсии синтагм с сохранением прогрессивной ИС (топик > фокус), так и инверсии компонентов ИС (фокус < топик) с сохранением порядка синтагм. Соответственно, пример (а) может иметь три дополнительных варианта реализации, отличающиеся порядком синтагм и / или компонентов ИС. Например, может быть инвертирован порядок компонентов ИС, фокус высказывания – «до каких пор говорящий работал в колхозе». ИС этого варианта совпадает с примером (а), но отличается экспрессивностью:

б) *Солдатқа парғанча калкосто иштегем*,
ФОКУС ТОПИК

Вариант с инвертированным относительно примера (а) порядком синтагм, фокус высказывания – «чем занимался говорящий до ухода в армию»:

в) *Солдатқа парғанча калкосто иштегем*,
ТОПИК ФОКУС

Экспрессивной реализацией данной ИС будет вариант с инверсией синтагм и, соответственно, закрепленных за ними компонентов ИС:

г) *Калкосто иштегем солдатқа парғанча*,
ФОКУС ТОПИК

Таким образом, при сохранении прогрессивного порядка компонентов ИС инверсия синтагм в предложении приводит к изменению ИС, а инверсия синтагм вместе с выраженными ими компонентами ИС (препозиция фокуса) – к повышению экспрессивности (при этом на глубинном уровне все 4 варианта имеют одинаковую синтаксическую, но разную семантическую структуру). Схожее явление отмечено и в других тюркских языках, например, караимском и узбекском. «Когда мы говорим о порядке слов в простом распространенном предложении, в первую очередь оперируем материалами повествовательного предложения со спокойным равномерным тоном. В предложениях, эмоционально насыщенных, а также при особом подчеркивании или выделении какого-либо слова в предложении порядок слов может измениться» [9, с. 253]. «Инверсия помогает усилению содержания и эмоциональности речи. Такое положение особенно заметно в инверсии подлежащего и сказуемого» [18, с. 135].

Важным представляется предложенное К. Ламбрехтом разграничение прагматических и семантических субъектов и предикатов. Исследователь предлагает трехчастную структуру расположения фокуса в предложении в зависимости от его прагматики. Фокус может выражаться а) предикатом; б) аргументом; в) суждением в целом [4, р. 226–238]. Проиллюстрируем ее с помощью примера (2).

ИС с фокусом *предикат* – ответ на вопрос: *Солдатқа парғанча нени иштеген?* (Чем ты занимался до ухода в армию?):

(2а) *Солдатқа парғанча калкосто иштегем*,
ФОКУС

Пресуппозиция: то, чем занимался говорящий до ухода
в армию – топик для комментария X
Ассерция: X = работал в колхозе
Фокус: работал в колхозе
Область фокуса: VP

ИС с фокусом *аргумент* – ответ на вопрос: *Қачанга жеттире калкосто иштеген?* (До какого времени ты работал в колхозе?):

(26) Солдатқа парғанча калкосто иштегем.
ФОКУС

Пресуппозиция: говорящий работал в колхозе до X
Ассерция: X = уход в армию
Фокус: до ухода в армию
Область фокуса: NP

ИС с фокусом *суждение* – ответ на вопрос: *Нени полпарды?* (Что произошло?):

(2в) Солдатқа парғанча калкосто иштегем.
ФОКУС

Пресуппозиция: –
Ассерция: до ухода в армию говорящий работал
в колхозе
Фокус: до ухода в армию говорящий работал
в колхозе
Область фокуса: S

В последнем примере отсутствие пресуппозиций приводит к совпадению ассерции и фокуса, которые распространяются на все высказывание в целом; оно, таким образом, приобретает событийный характер.

К лексико-грамматическим способам управления ИС в телеутском языке можно отнести использование модальных слов и фокусных частиц, в меньшей степени – аспектуальных показателей. Как отмечает Л. А. Шамина, «значения, выражающие эксплицитное указание на источник сведений говорящего о сообщаемой им ситуации,

относятся к сфере категории эвиденциальности. <...> Указание же на то, что информация об описываемой ситуации является неожиданной, "новой" для говорящего, относится к сфере категории миратива. В тюркских языках эвиденциальность и миративность выражается либо специализированными средствами, либо совместно с другими значениями, модальными и аспектуальными» [19, с. 15]. К. В. Кичеева предлагает следующую типологию семантики эвиденциальных форм в хакасском языке:

- 1) пересказывательность (абсентив) – получение информации из косвенного источника;
- 2) инференциальность – вывод говорящего о событии;
- 3) адмиративность (миративность) – констатация события в момент сообщения, неожиданность (удивление, восхищение, удовлетворенность) [20, с. 121].

Л. Йохансон выделяет в тюркских языках категорию индиректива (непрямой засвидетельствованности) в качестве эвиденциальной [21, р. 274], когда реципиентом коммуникативного акта выступает не только слушающий, но и сам говорящий, выражающий свое отношение к описываемой ситуации, ср. тел. *Пу қорқышту пала тур!* (Этот мальчик страшным, пожалуй, будет!), которое говорящий адресует самому себе и которое содержит фокусную (модально-эвиденциальную) частицу *тур* (пожалуй, однако же). Употребление этой частицы усиливает именное сказуемое *қорқышту* (страшный) и одновременно указывает на фокус высказывания. В ней совмещается как инференция (говорящий делает вывод, что мальчик – страшный), так и миратив (испут и удивление говорящего фактом сообщения).

В телеутском языке (как и в других тюркских языках Сибири) к ядерным способам выражения индиректива относится аффикс прошедшего т. н. «заглазного» времени *-lir*, выражающий набор условно-эвиденциальных значений, приведенных К. В. Кичеевой для хакасского языка.

Индирективное значение абсентива реализуется в пересказе говорящим событий, свидетелем которых он не был (характерно для фольклорного нарратива):

(3) <i>abişqa</i>	<i>ämegeñ-i-n</i>	<i>čiyara</i>	<i>sür-ip</i>	<i>iy-tir</i>
старик	старуха-POSS3-POSS.ACC	PSTP: наружу	гнать-CVB	AUX-PST3

Абышқа эмегенин чыгара сүрип ийттир – Старик старуху свою прочь выгнал.
ФОКУС

Индирективное значение инференциальности (говорящий делает умозаключение):

(4) <i>aba-m</i>	<i>türme-de</i>	<i>otur-yan</i>	<i>anıñ.üçün</i>	<i>ol</i>	<i>tirü</i>	<i>jad-a</i>	<i>qal-tir</i>
отец-POSS1	тюрьма-LOC	сидеть-PST2	PSTP: поэтому	3SG	живой	жить-PTCP1	AUX-PST3

Абам түрмеде отырған, ааң учун ол түрү жада қалтыр – Отец сидел в тюрьме, поэтому он остался жив.
ФОКУС

Индириективное значение миративности (модально-оценочная коннотация):

(5) *i tak apar al-bay qal-tır*
RUS.и так уносить AUX-CVB.NEG AUX-PST3

И так апар албай қалтыр – И так и не смогли унести.
ФОКУС

В примерах (3)–(5) эвиденциальный показатель *-tır* косвенно указывает на то, что синтагма, в которой он употреблен, входит в фокус высказывания. В примере (4) на фокус также указывает сложный союз *ааң учун* (поэтому). Тем не менее ИС предложения в телеутском языке напрямую не зависит от эвиденциальности и формы на *-tır*. Возможны ситуации, когда синтагма с *-tır* будет входить в топик высказывания (в зависимости от его прагматики), как в примерах (66)–(6г):

(6а) *Пир чанақ өлөң Артық пол қалтыр.*
Одни сани сена ЛИШНИМИ ОКАЗАЛИСЬ.

(6б) *Пир чанақ Өлөң артық пол қалтыр.*
Одни сани СЕНА лишними оказались.

(6в) *Пир ЧАНАҚ өлөң артық пол қалтыр.*
Одни САНИ сена лишними оказались.

(6г) *ПИР чанақ өлөң артық пол қалтыр.*
ОДНИ сани сена лишними оказались.

Пример (6а) иллюстрирует тот факт, что при неинвертированном порядке синтагм в тюркских языках фокус высказывания располагается на глагольной группе, а логический акцент – на той части, которая непосредственно примыкает к сказуемому. Это доказывается ровным тоном синтагмы подлежащего и его падением на синтагме сказуемого. Тон начинает понижаться на слове *артық* (лишний) и продолжает – на сказуемом *пол қалтыр* (оказался). Понижающийся тон между синтагмами называется хезитацией (рис. 3).

На казахском материале это показано Р. С. Амировым: «В казахском языке, так же как и в других тюркских языках, есть одна позиция, определяющая актуализацию, – предсказуемая позиция. Эта позиция является актуализирующей для всех несказуемых членов. Сказуемое не подвергается специальному приему актуализации. Оно по своей природе является тем членом, который всегда заключает в себе новое сообщение» [22, с. 38]. Это также характерно для уйгурского и туркменского языков: «Если актуальное членение предложения выражается с помощью

порядка слов, член предложения, выражающий ремю, становится в предсказуемую позицию. Например: *Бовай // яр тувигә // барди...* "Старик подошел к подножию обрыва". Здесь рема передается обстоятельством места *яр тувигә*» [13, с. 379]. «Любой член предложения, не исключая и субъекта, может быть поставлен непосредственно перед предикатом, если говорящий хочет обратить на него внимание своего собеседника» [23, с. 53].

Данная особенность отмечается как типологически характерная для всех тюркских языков: «Логическое ударение во фразе, как правило, находится непосредственно в позиции перед сказуемым» [24, с. 186]. «В состав ремы в тюркологии обычно выделяют смысловое ядро – предсказуемый член или (при отсутствии такого члена) само сказуемое, на которое падает наибольшее логическое ударение» [25, с. 137].

Вернемся к рассмотрению гипотетической «фокусной» природы сказуемого на *-tır*. По корпусным данным финитное сказуемое на *-tır* более устойчиво в крайней правой позиции, в отличие от форм на *-dl* и *-GAn*. Это дает основание предположить, что синтагма, к которой относится форма на *-tır*, будет чаще выступать в качестве фокуса высказывания, чем синтагмы с иными аспектуальными и модальными формами, хотя это требует корпусной верификации с учетом прагматики предложений, поскольку в нейтральном контексте любое сказуемое будет попадать в фокус высказывания.

Ранее отмечалось, что, согласно К. Ламбрехту, ИС предложения состоит из трех взаимно связанных оппозиций: *пресуппозиция – ассерция, топик – фокус и узнаваемость – активация*. Поэтому интересно также рассмотреть средства, кодирующие узнаваемость (*identifiability*) либо неопределенность (*unidentifiability*) участника ситуации. В тюркских языках одним из таких средств является числительное *bir* (один) в функции неопределенного артикля. Пример оппозиций из турецкого языка: *Ahmet oküzü aldi* (Ахмет купил (этого) быка) – *Ahmet bir oküz aldi* (Ахмет купил (одного; некоторого) быка) [4, р. 85].

Это же характерно и для телеутского, например, *пир сөс* (какое-то слово), *пир пеш-алты* (примерно пять-шесть) и т. д.

(7) *Körzö – agaıtyñ tözinde ПИР КИЖИ отур jat.*
Смотрит – под деревом ЧЕЛОВЕК сидит.

Фокус высказывания приходится на именную группу *пир киж* (какой-то человек), примыкающую к предикату. В безартиклевом русском языке фокус выражается понижением

Рис. 3. Тональный рисунок примера (6а)
Fig. 3. Tone visualization of example (6a)

ЧОТ на слове *человек*. В телеутском, кроме интонации, сигнальную функцию выполняет числительное *пир* (один), придающее слову *кижи* (человек) семантику неопределенности и неидентифицируемости. Соответственно, именно эта синтагма относится к «новой» информации, которая должна быть добавлена в ментальную репрезентацию слушающего, а числительное *пир* в нумеративной функции указывает на фокус.

Заключение

Телеутский язык обнаруживает изоморфизм способов и стратегий управления ИС простого предложения с другими тюркскими языками. Как в языке типа SOV, в котором сказуемое занимает терминальное правое положение, топикальные и фокусные части простого предложения в телеутском языке линейно не обособлены, фокусная часть (комментарий) и особенно его смысловое ядро тяготеет вправо и примыкает к сказуемому, за исключением случаев, когда сказуемое выражает непосредственно фокус предложения. При вхождении сказуемого в топик предложения (превращения его в «прагматический субъект» по К. Ламбрехту), оно может менять свою традиционную терминальную позицию и примыкать к другому топикальному элементу в составе синтагмы. Таким образом, порядок слов (синтагм) играет определяющую роль в ИС телеутского простого предложения.

Интонационно фокусная часть простого повествовательного предложения характеризуется максимальным понижением частоты основного тона. Таким образом, акцентные и структурные характеристики телеутского взаимно связаны и обусловлены ИС предложения. В отличие

от чувашского языка, фокусная часть телеутского предложения характеризуется понижением ЧОТ. Лексико-грамматические средства управления ИС в телеутском языке располагаются, в отличие от синтаксиса и просодии, на периферии функционально-семантических полей⁴. Они совмещают функции выражения элементов ИС с иными лексико-грамматическими категориями.

Интерес для дальнейшего исследования представляет изучение лексико-грамматических средств телеутского языка с позиций выражения ИС (например, грамматических категорий перфектива и кунктатива, падежных форм, кондиционалиса и т. д.), изучение ИС предложений других типов (вопросительных и побудительных), а также возможное влияние русского языка на стратегию кодирования ИС телеутского простого предложения.

Список условных обозначений

(VP) – *verb phrase*, глагольная группа; (NP) – *noun phrase*, именная группа; (S) – *sentence*, предложение; (1) – 1 л.; (3) – 3 л.; (SG) – *singular*, единственное число; (POSS) – *possessive*, посессив; (PSTP) – *postposition*, послелог; (PP) – *personal pronoun*, личное местоимение; (ACC) – *accusative*, винительный падеж; (LOC) – *locative*, местно-временной падеж; (DAT) – *dative*, дательно-направительный падеж; (CVB) – *converb*, деепричастие; (AUX) – *auxiliary*, вспомогательный глагол; (PST2) – *past 2*, давнопрошедшее время; (PST3) – *past 3*, неочевидное прошедшее время; (PTCP1) – *participle 1*, причастие настоящего длительного времени; (DEL) – *delimitative*, ограничительный падеж; (.) – кумуляция показателей.

Литература

1. Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // Subject and Topic / ed. C. N. Li. N. Y.: Academic Press, 1976. P. 27–55.
2. Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / под ред. А. В. Циммерлинга, Е. А. Лютиковой. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 25–75.
3. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 796 с.
4. Lambrecht K. Information structure and sentence form. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 p. DOI: 10.1017/CBO9780511620607
5. Matić D. Information structure in linguistics // The International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / ed. J. D. Wright. Amsterdam: Elsevier, 2015. Vol. 12. P. 95–99. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.53013-X
6. Krifka M. Basic notions of information structure // Interdisciplinary Studies on Information Structure / eds. C. Fery, G. Fanselow, M. Krifka. Potsdam: Potsdam University Press, 2007. Vol. 6. P. 13–55.
7. Stalnaker R. C. Context and content: essays on intentionality in speech and thought. N. Y.: Oxford University Press, 1999. 294 p.
8. Чейф У. А. Значение и структура языка / пер. Г. С. Щура. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 426 с.
9. Мусаев К. М. Синтаксис караимского языка. М.: Academia, 2003. 347 с.
10. Тугушева Л. Ю. О порядке слов в тюркских языках (к постановке вопроса) // Тюркологический сборник / под ред. С. Г. Кляшторного. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 120–127.
11. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: АН СССР, 1948. 276 с.
12. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: АН СССР, 1940. 206 с.
13. Строй уйгурского языка / отв. ред. Г. С. Садвакасов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. 470 с.

⁴ Термин *функционально-семантическое поле* носит условный характер из-за отсутствия единого мнения о том, является ли ИС грамматической либо прагматической категорией.

14. Емельянова А. В. Коммуникативная структура чувашского простого повествовательного предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1999. 23 с.
15. Токтарова Н. К. Коммуникативные типы высказывания в кумыкском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2011. 41 с.
16. Языковая картина мира телеутов / под ред. Л. А. Араевой. Кемерово: КемГУ, 2016. 237 с.
17. Шестера Е. А. Телеутский язык: интонация повествовательных и вопросительных высказываний // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 61–75.
18. Уринбаев Б. У. Синтаксический строй узбекской разговорной речи. Ташкент: Фан, 1978. 144 с.
19. Шамина Л. А. Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004. 50 с.
20. Кичеева К. В. Глагольные формы со значением эвиденциальности в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-1. С. 121–124.
21. Johanson L. Evidentiality in Turkic // *Studies in Evidentiality* / ed. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins PC, 2003. P. 273–290. DOI: <https://doi.org/10.1075/tsl.54.15joh>
22. Амиров Р. С. Способы актуального членения в казахском языке // Советская тюркология. 1970. № 6. С. 34–38.
23. Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад: ТуркменОГИЗ, 1943. 100 с.
24. Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: словосочетание и предложение. 2-е изд., стер. М.: URSS КомКнига, 2006. 285 с.
25. Убрятова Е. А., Ефремов Н. Н., Неустроев Н. Н., Алексеев И. Е., Петров Н. Е., Васильев Ю. И. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2: Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995. 336 с.

Simple Sentence Information Structure in Teleut: Problem Statement*

Denis M. Tokmashev^{a, @, ID}

^a National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

@ kogutei@yandex.ru

ID¹ <https://orcid.org/0000-0003-3941-043X>

Received 22.01.2020. Accepted 12.02.2020.

Abstract: The present research featured the main approaches to the study of the information structure of a simple sentence, as well as their application to the Turkic languages. The paper focuses on the case of the Teleut language. The research objective was to identify and characterize various types of information structure of a simple sentence in their relationship with formal-grammatical and prosodic characteristics. The study involved field, comparative-historical, and descriptive methods, structural and component analysis, methods of modeling semantics and visualization of spectrograms. The information structure of a simple sentence can be modeled as the corresponding functional-semantic field. In Teleut, it is represented mostly by syntagm order and intonation, which make the core of information structure management. The peripheral means are represented by lexemes, particles, and affixes. Syntactically, information structure is expressed by the phrase order. Narrative sentences are characterized by the decrease of the fundamental frequency of the phrase that makes up the focal part. Pragmatically neutral narrative sentences that do not have presuppositions are characterized by a progressive arrangement of topical and focal elements with a predicate in the terminal right position. Since topics and foci are shifter categories, syntax inversions with preservation of the progressive information packaging "topic > focus" are possible, as well as inversion of its components "focus < topic" while retaining the phrase order. The inversion of both linear (syntagms) and non-linear (topics and foci) elements of the sentence is due to various presuppositions. The lexical and grammatical means of information packaging management are on the periphery of the functional-semantic field. Their potential to control the information structure is combined with their other functions, namely the expression of aspectual, modal, evidential, definiteness, and other characteristics. Most Turkic languages share the means of information packaging management.

Keywords: intonation, syntax, Turkic languages, actual division of the sentence, acoustic phonetics

* This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No 18-012-00775 A "Typology of a simple sentence in the languages of the Ob-Yenisei language range: information and argument structure".

For citation: Tokmashev D. M. Simple Sentence Information Structure in Teleut: Problem Statement. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 268–277. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277>

References

1. Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. *Subject and Topic*, ed. Li C. N. N. Y.: Academic Press, 1976, 27–55.
2. Paducheva E. V. Communicative structure and linear-accentual sentence transformations (based on Russian). *Clause architecture in parametric models: syntax, information structure, word order*, eds. Tsimmerling A. V., Liutikova E. A. Moscow: Izdatelskii dom IaSK, 2016, 25–75. (In Russ.)
3. Testeleys Ia. G. *An introduction to general syntax*. Moscow: Ros. gos. gumanitar. un-t, 2001, 796. (In Russ.)
4. Lambrecht K. *Information structure and sentence form*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, 388. DOI: 10.1017/CBO9780511620607
5. Matić D. Information structure in linguistics. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, ed. Wright J. D. Amsterdam: Elsevier, 2015, vol. 12, 95–99. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.53013-X
6. Krifka M. Basic notions of information structure. *Interdisciplinary Studies on Information Structure*, eds. Fery C., Fanselow G., Krifka M. Potsdam: Potsdam University Press, 2007, vol. 6, 13–55.
7. Stalnaker R. C. *Context and content: essays on intentionality in speech and thought*. N. Y.: Oxford University Press, 1999, 294.
8. Chafe W. L. *Meaning and the structure of language*, tr. Shchur G. S., 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2003, 426. (In Russ.)
9. Musaev K. M. *Karaim syntax*. Moscow: Academia, 2003, 347. (In Russ.)
10. Tugusheva L. Iu. On the word order in Turkic languages (a problematic approach). *Turkic collection*, ed. Kliashtornyi S. G. Moscow: Nauka, GRVL, 1966, 120–127. (In Russ.)
11. Dmitriev N. K. *Grammar of Bashkir*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1948, 276. (In Russ.)
12. Dmitriev N. K. *Grammar of Qumyk*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1940, 206. (In Russ.)
13. *Uighur language system*, ed. Sadvakasov G. S. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1989, 470. (In Russ.)
14. Emelianova A. V. *Communicative structure of the simple declarative sentence in Chuvash*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Cheboksary, 1999, 23. (In Russ.)
15. Toktarova N. K. *Communicative sentence types in Qumyk*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Makhachkala, 2011, 41. (In Russ.)
16. *The language picture of the world of Teleuts*, ed. Araeva L. A. Kemerovo: KemGU, 2016, 237. (In Russ.)
17. Shestera E. A. Teleut: Intonation of declarative and interrogative utterances. *Voprosy yazykoznaniya*, 2014, (2): 61–75. (In Russ.)
18. Urinbaev B. U. *Syntactic system of the Uzbek colloquial speech*. Tashkent: Fan, 1978, 144. (In Russ.)
19. Shamina L. A. *System of bipredicative constructions with non-finite verbal forms in the Turkic languages of South Siberia*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2004, 50. (In Russ.)
20. Kicheeva K. V. Verbal forms the meaning of evidentiality in the Khakass language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (1-1): 121–124. (In Russ.)
21. Johanson L. Evidentiality in Turkic. *Studies in Evidentiality*, eds. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins PC, 2003, 273–290. DOI: <https://doi.org/10.1075/tsl.54.15joh>
22. Amirov R. S. Ways of actual segmentation in the Gazakh language. *Sovetskaya tyurkologiya*, 1970, (6): 34–38. (In Russ.)
23. Potseluevskii A. P. *Basics of Turkmen literary syntax*. Ashgabad: TurkmenOGIZ, 1943, 100. (In Russ.)
24. Baskakov N. A. *Historical and typological characteristics of Turkic languages' structure: phrase and sentence*, 2nd ed. Moscow: URSS KomKniga, 2006, 285. (In Russ.)
25. Ubriatova E. A., Efremov N. N., Neustroev N. N., Alekseev I. E., Petrov N. E., Vasilev Iu. I. *A grammar of contemporary literary Yakut. Vol. 2: Syntax*. Novosibirsk: Nauka, 1995, 336. (In Russ.)